При использовании материалов статьи необходимо использовать данную ссылку:
Салихов Б.В. Методологические аспекты инновационного развития производственного сектора экономики в условиях пандемии // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. 2021. № 2. (60). С. 60-70

УДК 664.6.7

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Салихов Б.В.

Цель статьи заключается в выявлении и обосновании ключевых элементов новой методологической парадигмы поиска релевантных форм и способов инновационного развития производственного сектора экономики. В связи с этим, дисциплинарной матрицей исследования является логико-гносеологический и функциональный анализ современного системного социально-экономического кризиса, специфическим «акселератором» которого стала пандемия коронавируса. Более того, феноменология пандемии, оказывая многоплановое и длительное влияние на все стороны общественной жизни, претендует стать самостоятельным элементом методологии современного анализа, причем не только особенностей развития производственного сектора хозяйства, но и всех форм как такового человеческого бытия. Научная новизна результатов предлагаемого исследования заключается в следующих методологических инновациях. Во-первых, пандемия четко обозначила резкое возрастание роли неэкономических факторов современной социально-экономической динамики, что вполне корреспондирует с феноменом перманентного нарастания сложности в системе общественного развития. Во-вторых, стали очевидными провалы в структуре производственного сектора мирового и национального хозяйства, где в настоящее время доминируют экономические симулякры и финансиализация, основанные на идеологии и ценностях монетарной плутократии. В-третьих, пандемия выявила множество провалов как такового и, особенно, российского государства, утратившего должный контроль над общественным производственным сектором экономики и, следовательно, над экономической безопасностью личности и общества. Научно-практическое значение результатов статьи непосредственно связано с «ренессансом этатизма», призванного качественно обновить производственную сферу экономики, прежде всего, в рамках общественного сектора национального и регионального хозяйства. Это требует формирования новой, весьма противоречивой модели правового государства, которое, с одной стороны, призвано расширить отрасли воспроизводства общественных благ, а с другой стороны, такое государство не должно выходить за онтологические границы индивидуалистической, то есть реальной демократии.

Ключевые слова: методологическая парадигма, пандемия коронавируса, производственный сектор экономики, неэкономические факторы экономического развития, «ренессанс этатизма», правовое государство, производственный общественный сектор хозяйства.

ВВЕДЕНИЕ

Основной политэкономической интригой современного этапа социально-экономического развития является неуклонный рост *этатистских настроений,* как среди действующих элит, так и среди ученых, исследующих хозяйственную динамику в условиях пандемии [1-4]. Наметившийся в теории и практике тренд, образно говоря, от М. Фридмена к Дж. Кейнсу, или от воинствующего монетаризма в сторону кейнсианства и активизации роли государства в экономике, является отнюдь не случайным. И дело здесь не столько в объективных процессах действительного нарастания сложности в

Салихов Борис Варисович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры теории регионоведения Московского государственного лингвистического университета, SPIN-код: 3045-0730, AuthorID: 428166
Москва

экономике, что само по себе предопределяет необходимость качественного обновления хозяйственных функций государства и о чем давно говорят исследователи [5, 6], а в субъективных провалах этого государства-Левиафана (причем как в России, так и в других странах мира), оказавшегося неспособным релевантно реагировать на происходящие изменения в хозяйственной жизни, а также своевременно и высокоэффективно купировать, в том числе негативные внешние эффекты.

В контексте сказанного, пандемия коронавируса сыграла двоякую роль: во-первых, были выявлены *существенные провалы государства в сфере развития производственного сектора,* оказавшегося неспособным быстро и «точечно» реагировать на потребности общества в соответствующих «пандемических» благах; во-вторых, пандемия стала серьезным напоминанием политэкономическим элитам всех стран о необходимости *своевременного решения назревших производственных задач* общественного развития. В первом случае речь идет о том, что национальные государства, в том числе и наша страна, руководствуясь (явно или неявно) идеологией монетарной плутократии, до сих пор не поставили заслон масштабной финансиализации экономики и расширенному воспроизводству экономических симулякров, не имеющих ничего общего с действительным прогрессивным развитием производственного сектора экономики, и о чем ученые говорили еще до и после кризиса 2008-2009 гг. [7, 8].

Во втором случае имеется в виду масштабный политэкономический популизм, не позволивший государствам на деле приступить к шумпетерианскому «созидательному разрушению» [9] и провести реальные структурные реформы в рамках национальных хозяйственных систем, что привело к мнимому приоритету социального над экономическим в большинстве стран; другими словами, «зомби-экономика» победила экономику творческого созидания [3]. Таким образом, если *в первом случае* реальный производственный сектор все в большей степени уступает место бесполезным отраслям экономики (системе финансиализации и симулякрам), то *во втором случае* оставшиеся сферы реального производства еще и не получают должного обновления всех форм производительного капитала. Особенно острой ситуация видится в современном отечественном производственном секторе экономики, где дополнительным системным фактором его деструкции является сознательно поддерживаемая архаичная структура с приоритетом отраслей «экономики собирательства», то есть добывающих промышленных производств. Здесь, в отличие от западной «зомби-экономики», постоянно воссоздается «некроэкономика», или «экономика непохороненных мертвых» отраслей и предприятий.

Общим итогом стало то, что к «вековой стагнации» [10] (часто трактуемой как «новая нормальность») добавилась «пандемическая деструкция», ставшая, с одной стороны, катализатором ранее накопленных структурных и институциональных проблем социально-экономического развития даже в странах лидирующей группы, не говоря уже о переходных политэкономических системах. С другой стороны, пандемия коронавируса, возможно, стала ранее недостающим «пазлом» в общей «мозаике» мультипликативного роста значимости неэкономических факторов современного экономического развития. В связи с этим, резонно отметить, что пандемия предстает в качестве специфического *теста на адекватность и состоятельность* для всего блока гуманитарных и социальных наук, а не только для экономической теории и макроэкономики. Сегодня все более очевидно, что традиционный, именно местнический и «монетарно-плутократический» образ мышления, а также «антиинклюзивный» глобализм (современный глобализм, где априори не учитываются интересы всех его участников) становится бесполезным для релевантного анализа складывающейся и динамично развивающейся ситуации в мире и его регионах, включая и нашу страну.

Главное заключается в том, что «невидимая рука» конкурентного рынка с его безусловным креативным и созидательным потенциалом системной инновационности и по-прежнему впечатляющей продуктивности, *должна быть дополнена новым качеством «правил игры», воссоздаваемых «умной головой» государства таким образом, чтобы сформировался и высокоэффективно функционировал новый оптимум в диалектической взаимосвязи частного и общественного сектора современного хозяйства.* Другими словами, пандемия коронавируса, вызывающая к жизни «ренессанс этатизма», не должна трансформироваться в «пандемию этатизма», где «горячие головы» реформаторов могут забыть о созидательной мощи рыночно-экономической демократии, всецело доверившись мифическим силам «всесильного» Левиафана. Очевидно, что объективная потребность в «ренессансе

этатизма» предопределяет необходимость весьма «тонкой настройки» нового политэкономического инструментария и релевантной готовности креативной и политической элиты общества. Следовательно, *цель статьи* заключается в определении ключевых, наиболее общих, именно методологических положений, предопределяющих вектор качественного обновления производственного сектора, прежде всего, отечественной экономики, с учетом требований, как неэкономических (в том числе вызванных пандемией коронавируса), так и собственно хозяйственных (прежде всего, структурных и институциональных) условий и факторов социально-экономического и в целом общественного развития.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ.

Известно, что производство есть процесс создания экономических благ путем использования соответствующих факторов, прежде всего, человеческого капитала. При этом производственный сектор экономики представляет собой часть национальной и региональной экономики, в рамках которой создается весь перечень определенных товаров и услуг. Как уже отмечалось, пандемия коронавируса выявила «симулятивное» качество современного производства, а также актуализировала ранее накопленные структурные и институциональные проблемы его развития. Кроме того, пандемия «реанимировала» старые и создала новые препятствия на пути глобализации, что связано с остановкой производства и спадом мирового ВВП [11], тотальным закрытием границ и разрывом традиционных хозяйственных связей, а также деструкцией цепочек создания добавленной стоимости. При этом речь не идет о полном блокировании глобализации как системного и закономерного явления современного мирового развития, но у многих стран и регионов мира «явно уменьшается готовность платить за рыночную эффективность экономической (а следовательно, и политической) безопасностью» [3, с. 25].

В связи с этим, возникает потребность в переосмыслении общих, именно методологических оснований дальнейшего исследования современного производства с целью разработки релевантных научно-практических рекомендаций его последовательного совершенствования. Отправной «точкой» качественного обновления названной методологии является *«органический синтез», или синергия двух кризисов: структурно-институционального (собственно экономического) и пандемического (неэкономического),* вызвавшего масштабные разрушения производства, сравнимые лишь с войной или временем Великой депрессии 30-х годов прошлого столетия [11]. Свидетельством этой масштабности являются правительственные бюджетные антикризисные меры в странах мира и, несмотря на эти меры, отрицательная динамика реального объема ВВП в странах, как лидирующей, так и догоняющей группы (Таблица 1).

Таблица 1.

Антикризисные бюджетные меры некоторых стран и динамика ВВП в 2020 г. [3, с. 18]

Страна	Бюджетные антикризисные меры (% ВВП)	Изменение реального ВВП в 2020 (% за год)
Германия	39,1	-5,4
Италия	37,9	-9,2
Япония	35,0	-5,1
Велико-британия	30,2	-10,0
Франция	22,6	-9,0
США	18,6	-3,4
Испания	18,0	-11,1
Южная Корея	13,8	-1,1
Финляндия	9,6	-4,3
Индия	7,0	-8,0
Аргентина	6,0	-10,4
Россия	4,6	-3,1
Мексика	1,1	-8,5

Беспрецедентный характер предпринятых мер по поддержке совокупного спроса и бизнеса в странах лидирующей группы не привел даже к «нулевому» росту ВВП; практически во всех странах был отмечен существенный спад выпуска. Вряд ли собственно пандемия с ее системным локдауном явилась единственным, хотя и весьма существенным, фактором такого спада производства; скорее всего, это стало интегральным результатом двух названных ранее кризисов, где коронавирус, одновременно, выявил и усугубил ранее накопленные в экономике структурные и институциональные проблемы, прежде всего, как показывает таблица, в странах лидирующей группы. При этом ситуация в отечественном производстве едва ли может считаться более «предпочтительной», чем, например, в Германии или Франции, где спад ВВП намного выше, чем в нашей стране (таблица 1).

Дело в том, что в отечественном архаичном производстве едва ли возможен быстрый обратный так называемый *отскок экономики* в силу отсутствия институционального динамизма и устойчивого механизма хозяйственных мотиваций у экономических агентов всех уровней. В любом случае, спад мирового и отечественного производства в результате пандемии коронавируса нацеливает на определенные обобщения, имеющие теоретико-методологическое значение. Отметим среди них наиболее значимые, содержащие определенный инновационный исследовательский потенциал, а также логически связанные элементы, вполне претендующие на качественную целостность новой методологической парадигмы исследования и последующего обустройства современного производства.

Во-первых, системным и самостоятельным элементом методологии анализа современного производства становятся неэкономические условия, все в большей степени приобретающие факторное, именно каузальное значение. Наряду и одновременно с тем, как актуализируются некогнитивные элементы в общей структуре человеческого капитала как экономического фактора производства [12], в общей системе хозяйственных отношений «набирают обороты» неэкономические, прежде всего, экзогенные условия и факторы, обусловливающие качество и скорость индивидуального и общественного воспроизводства. *Методологическая новизна заключается уже не в предположении, а доказанном факте перманентного возрастания роли и значения неэкономических условий и факторов* в хозяйственной действительности, причем с вероятностью их трансформации в системный ключевой, возможно, критический феномен, определяющий логику, направленность и качественную целостность социально-экономической динамики в целом.

В связи с этим, пандемия коронавируса не просто «спутала карты» и изменила «маршруты» развития производственных секторов стран и регионов мира, но и стала основанием для новых ценностей и смыслов хозяйствования, *нацелив производственный сектор практически всех стран на решение конкретных задач воспроизводства человеческого капитала* посредством массированных инвестиций в систему здравоохранения и развитие релевантных производств, которые продемонстрировали «взрывную» эффективность менее чем за один пандемический год. Очевидно, что названная эффективность будет иметь повышательный тренд, поскольку угроза пандемии до сих пор не локализована, что потребует существенных дополнительных усилий в сфере производительного «ответа» на ситуацию, причем со все более активным участием национальных государств и международных структур управления экономикой. Таким образом, следует отметить, что неэкономические условия и факторы современной хозяйственной жизни уже стали, заявленным ранее, системным элементом методологии современного экономического анализа. Это, как минимум, означает, что данные условия и факторы должны целостно учитываться, как на «входе» в трансформацию производственных систем и механизмов, так и на «выходе», то есть быть элементом соответствующих ожиданий (статических, адаптивных и рациональных).

Во-вторых, методологические инновации в дальнейшем развитии производственного сектора экономики непосредственно увязываются с актуализацией роли и значения природного капитала, подверженного системной деструкции в процессе реализации экономико-идеологического монетарно-либерального концепта. Суть методологической новизны заключается в обосновании императива ноосферности и безусловной сохранности среды обитания человека и как такового пространства его хозяйственной деятельности [13]. Пандемия коронавируса лишь напомнила человеку о том, что творчество человека не должно выходить за определенные, именно ноосферные границы; более того, творчество человека не может быть «выше» творчества самой природы, где все устроено и развивается по законам, к познанию которых человечество только-только приступило. Следовательно, главный методологический посыл заключается в том, что *природный капитал может быть использован в производстве благ исключительно в рамках сохранения общего равновесия человека, общества, экономики (производства) и природы (среды обитания человека и всего живого на земле).*

Другими словами, вектор развития производственного сектора экономики должен быть направлен на создание ноосферного типа хозяйственной деятельности, основанного исключительно на воссоздаваемых факторах производства. Очевидно, что в решении этой задачи «невидимая рука» конкурентного рынка не может даже гипотетически считаться несущей конструкцией соответствующего «сдвига» действующей парадигмы. Резонным императивом здесь представляется *не только*

новая роль государства, но и растущая релевантная ответственность наднациональных межгосударственных структур. В данном случае возможен уже не «ренессанс этатизма», а «бенефис», или «премьера мегаэтатизма» с четким фиксированием мирового природного капитала как мировой ценности и объекта формируемой новой, именно международной системы собственности.

Пандемия стала «лакмусовой бумажкой», четко показавшей всему миру и каждому человеку, что производство более не должно строиться на основе системной деструкции ресурсного потенциала природы и что коронавирус есть мощный сигнал природы, заставляющий человека всерьез задуматься о его действительном месте и роли на земле. *Производство не должно разрушать иммунные силы природной гармонии и устойчивости;* в противном случае разрушенный природный иммунитет неизбежно приведет к уничтожению как таковой жизни на нашей планете. Сказанное означает, что ключевым, по сути, онтологическим базисом современного производства призвана стать экономическая духовная нравственность, воссоздающая оптимальные границы производительного использования человеком различных элементов природного капитала [14, 15, 20, 21]. В определенном смысле можно считать, что пандемия коронавируса есть естественное следствие, или функция «пандемии экономической бездуховности».

В-третьих, императив ноосферности детерминирует новую расстановку методологических и научно-практических приоритетов в системе общественного производства, где ключевая роль должна быть отведена экономике неявного знания как когнитивной основе «креативной революции». Превращение природного экономического потенциала и всей хозяйственной действительности в еще более открытую и неравновесную систему с множеством вероятных векторов нелинейной динамики объективно предопределяет необходимость *ускоренного когнитивного развития, нацеленного на расширенное воссоздание гуманистически направленных (становление достойной жизни домохозяйств) и ресурсосберегающих (прекращение «вымывания» природного капитала) технологий.* Понятно, что система свободной конкуренции не способна решить названную задачу, и здесь вновь актуализируется «умная голова» государства, призванного структурно перестроить и заново институционального обустроить когнитивный общественный сектор экономики.

Методологически речь идет о новом подходе, с одной стороны, к общественному сектору экономики, как системному и целостному предмету политэкономического анализа; с другой стороны, к отраслевой производственной структуре данного сектора, причем в рамках мировой, национальной и региональной экономики. В первом случае важно отметить возрастание роли, прежде всего, институциональной сферы общественного сектора хозяйства, призванной расширенно воссоздавать «правила игры» для всех экономических акторов. *Новый институциональный капитал должен нацеливать производство на всех уровнях на реализацию требований ноосферного типа воспроизводства* (на использование природосберегающих ресурсов). Во втором случае имеется в виду фиксированный, ясный и безусловный приоритет в сторону *культурно-научно-образовательного комплекса отраслей и сфер, обеспечивающих качественную аксиологию (культура), фундаментальную онтологию (наука) и широкую праксиологию (образование) нового, прежде всего, неявного знания.*

Очевидно, что неприбыльный (в краткосрочном и даже среднесрочном периоде) сектор производства системы неявного знания в форме новых ценностей и смыслов, новых технологических, эргономических и ноосферно-продуктовых и других знаний объективно не может сферой ответственности конкурентного рынка с его естественным стремлением к финансиализации и экономическим симулякрам, обеспечивающим быструю прибыль с помощью «коротких денег». Системным инструментом качественного обновления структуры общественного сектора экономики в форме структурного крена *в пользу экономики ноосферного неявного знания* закономерно становится «умное» государство [3, 16]. Пандемия коронавируса стала «последней инстанцией», напомнившей исследователям о том, что «современный (шумпетерианский) рост нельзя объяснить теми же механизмами, которыми можно объяснить смитианский рост, хотя бы потому, что доиндустриальная эпоха не знала такого явления, как самоподдерживающийся поток новых научных и технологических идей» [17], и именно в этом смысле речь идет о массированном структурном трансфере экономики в пользу когнитивного сектора хозяйства.

В-четвертых, пандемия коронавируса нацеливает государства стран, как лидирующей, так и догоняющей группы на ускоренный поиск новых форм фискальной, денежно-кредитной, структурной и региональной социально-экономической политики. Известно, что «новая нормальность», возникшая в результате «половинчатых» мер экономической политики государств в период кризиса 2008-2009 гг., есть весьма специфическая макроэкономическая ситуация, в которой органически сочетаются низкая инфляция, «ползучие» темпы экономического роста, низкие и даже отрицательные реальные процентные ставки при высокой долговой нагрузке бюджетов наиболее развитых стран мира. Вместо проведения структурных реформ в период финансового кризиса и создания условий для трансформации экономических симулякров в пользу промышленного сектора экономики, политические элиты «откупились» массированными финансовыми вливаниями в экономику. Сегодня понятно, что ценою социально-политической стабильности стал отказ от шумпетерианского «созидательного разрушения», беспрецедентный рост государственного долга с появлением нетрадиционных макроэкономических показателей, среди которых фиксируются предельно низкие или даже отрицательные процентные ставки, а также устойчиво низкие темпы экономического роста.

Стало очевидно, что пандемия ускорила трансформацию «новой нормальности» к новой «точке бифуркации», признаки которой имеют пока лишь общие очертания, определяемые феноменом возникшего и углубляющегося «двойного шока», как со стороны совокупного спроса (падение реальных доходов домохозяйств), так и со стороны совокупного предложения (спад производства вследствие локдауна). В связи с этим, резонно отметить, что при сохранении прежних экономических функций государства, онтологией которых является мифическая вера во всесилие механизма конкурентного рынка, «новая нормальность» имеет реальные перспективы превратиться в *нарастающую депрессию человеческого капитала и общую деструкцию национальных и региональных социально-экономических систем.* При этом, как отмечают исследователи, «острота кризиса определяется продолжительностью спада или, точнее, риском перехода рецессии в депрессию. Краткосрочное сжатие экономики неприятно, но не катастрофично. Депрессия же ведет к деградации инфраструктуры – как производственной, так и социальной (что не тождественно «созидательному разрушению»)» [3, с. 12].

Сказанное означает, что инструменты и мультипликаторы экономической политики государства в современной экономике должны претерпеть существенные изменения и предстать в рамках *принципиально новой качественной целостности, что может быть охарактеризовано как «новый экономический этатизм».* Во-первых, в налогово-бюджетной политике необходим поворот от решения собственно фискальных задач к активному регулированию структурной перестройки экономики с безусловным приоритетом развития отраслей расширенного воспроизводства неявного знания и в целом «акселерации» национальной (региональной) инновационной системы. Во-вторых, в денежно-кредитной политике императивом становится новая роль центральных банков, ответственность которых перед экономикой должна выйти за пределы монетарного правила и, конечно же, не ограничиваться «мягким монетаризмом», который, в условиях масштабной финансиализации, расширенно воссоздает социально-экономическое неравенство и, следовательно, политэкономический популизм. Особенно это относится к отечественной экономике, где денежные власти должны напрямую участвовать в структурной перестройке экономики и нести ответственность за новое качество экономического роста. Между тем, «Банк России в проекте Основных направлений денежно-кредитной политики на 2021-2023 гг. не обозначает механизмов формирования «длинных» денег и скромно умалчивает о своей роли в этом процессе» [11, с. 19].

В-третьих, в структурной политике именно государство (в условиях растущей неопределенности и объективной невозможности формировать рациональные и даже адаптивные ожидания) призвано стать *инвестиционным лидером* в сфере ускоренного развития машиностроения и других наукоемких производств, определяющих технологическое «лицо» всей экономики. Это положение имеет критическое значение для отечественной экономики, где предпринимательский «индекс страха» перед хозяйственной неопределенностью в условиях институционального недоверия, вероятно, достиг своих предельных параметров. Но именно пандемия актуализирует именно шумпетерианскую модель современного социально-экономического развития, поскольку требует существенного обновления идей и создания не просто инновационных, а

ноосферных технологий производства. Другими словами, актуализируется не столько продуктовый (в традиционном смысле), а когнитивный производственный сектор экономики, где «ядерной» сферой является, как отмечалось, *комплекс научно-образовательных отраслей расширенного воспроизводства системы неявного знания.* И здесь, как никогда ранее, именно ««хорошие» политические институты прокладывают дорогу «хорошим» экономическим институтам, а возникающие благодаря этому надежно защищенные права собственности на идеи (патентное, авторское право и т.д.) становятся катализатором шумпетерианского «созидательного разрушения»» [17, с. 136].

В-пятых, синергия структурного и пандемического кризиса нацеливает всех экономических агентов и, особенно, государство на поиск форм и способов «реанимации» совокупной факторной производительности (СФП), представляющей собой результат целенаправленного и комбинированного использования всех факторов производства. Это происходит не потому, что собственно человеческий (L) и вещественный (K) капитал в известной макроэкономической функции Кобба-Дугласа ($Y=A^{\gamma}K^{a}L^{\beta}$) якобы исчерпали свой созидательный потенциал и остались «в тени», а в силу естественной и отмеченной ранее актуализации технологического коэффициента (A) в названной формуле, заключающей в себе уже не столько технологическую переменную, сколько растущий перечень неэкономических и некогнитивных элементов, оказывающих все более мультипликативное влияние на динамику ВВП. Исследователи давно отмечают, что СФП «содержит гораздо большее число факторов, чем только технологии. В общем случае к ним могут относиться качество управления и организации, ресурсная обеспеченность и климатические условия в стране, транспортная и энергетическая инфраструктура и др. Институциональные характеристики страны, в свою очередь, могут влиять на уровень используемых технологий и косвенно – на СФП» [18, с. 34].

К перечню новых элементов СФП резонно отнести, прежде всего, весь набор некогнитивных факторов развития человеческого капитала, набор социокультурных переменных, различные поведенческие формы и новые аспекты в сфере организации и управления всеми видами производственной деятельности, включая экономику знаний. При этом именно пандемия вызвала к жизни глубокие структурные сдвиги, имеющие долгосрочные последствия, особенно в сфере интеллектуальных услуг и в отраслях воспроизводства человеческого капитала. В частности, в научно-образовательном секторе хозяйства получили широкое распространение дистанционные формы взаимодействия людей и организаций, актуализировалось внимание к пространственной организации производственных процессов, произошла, как отмечалось, переоценка роли здравоохранения и сопряженных с ним других отраслей экономики. Только время покажет, какие из управленческих, организационных и институциональных инноваций носят краткосрочный характер, а какие останутся надолго, возможно, навсегда. Но поскольку качественные изменения различных технологий происходят сегодня в рамках одного поколения, а не от поколения к поколению, как это было прежде, именно государство призвано стать «видимой рукой», обеспечивающей, одновременно, всемерное развитие элементов СФП и сознательное поддержание ключевых макроэкономических пропорций.

Применительно к отечественному производственному сектору хозяйства, тревожной является потеря прежней значимости совокупной факторной производительности в росте агрегированной производительности труда, связанной с объективацией новейших производственных, управленческих, организационных, когнитивных и других технологий. Исследователи отмечают, что «если в посттрансформационный период 2000-2007 гг. динамика производительности объяснялась преимущественно СФП (ее вклад составлял более 50%), то после кризиса 2008-2009 гг. она росла за счет капиталовооруженности. При этом вклад СФП заметно снизился, а с 2013 г. стал отрицательным» [18, с. 35]. Основной причиной такого положения дел стала усиливающаяся архаизация промышленности, то есть приоритетное развитие отраслей топливно-энергетического комплекса. Экономика «собирательства», а не творчески-трудового созидания, требующего ускоренного совершенствования научно-образовательного сектора хозяйства, объективно не может предъявить растущий спрос на продуктовые инновации и релевантный человеческий капитал как источник креативно-интеллектуальных технологий современного производства [19]. Очевидно, что *выход отечественного производства из «ловушки отраслевого и регионального архаизма» возможен только при активном участии государства.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: НА ПУТИ К НОВОЙ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИСПОЗИЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ.

Таким образом, важно отметить, что «ренессанс» этатизма связан не только с пандемией как экзогенным и неэкономическим системным фактором деструкции мирового хозяйства и национальных социально-экономических систем, но и с нерешенностью проблем *глобального структурного кризиса 2008-2009 гг.* Именно соединение текущего кризиса, имеющего неэкономическую пандемическую природу, с «новой нормальностью», ставшей интегральным функционалом хронических проблем продолжающегося и углубляющегося глобального структурного кризиса, формирует «гремучую смесь» в форме системной и *долговременной деструкции мирового хозяйства, а также национальных и региональных экономик.* В этих условиях простого «возврата» к кейнсианству явно недостаточно; здесь необходима качественно новая парадигма государственного влияния на экономику, равно как и новая политическая экономия общественного сектора хозяйства.

Пандемия коронавируса окончательно развенчала миф о том, что государство является бременем для конкурентно-рыночной экономики. При этом актуализация роли государства в современном мировом, национальном и региональном хозяйстве, или императив *этатизации экономики* заключается в следующем. Во-первых, государство должно взять на себя *технологические риски,* поскольку сегодня это связано с «длинными инвестициями» при неясных финишных перспективах. В этой своей функции государство предстает как некая общественная страховая компания, минимизирующая риски больших потерь от разработки и внедрения в производство технологических и иных инноваций.

Во-вторых, государство в принципе должно взять под «свое крыло» *долгосрочные инвестиционные программы и стать «инвестиционным акселератором»,* что особенно актуально для экономики стран лидирующей группы, где низкие темпы инфляции обусловливают «предпочтение ликвидности» относительно осуществления рисковых, но, возможно, весьма доходных инвестиций (низкие темпы инфляции не обесценивают сбережения в банках). Другими словами, государство теперь должно влиять не только и не столько на совокупный спрос, сколько на совокупные инвестиции, что может свести на нет известный в макроэкономике «эффект вытеснения» (вытеснение частных инвестиций государственными расходами). При этом «в числе приоритетных направлений госинвестиций – секторы, которые повышают совокупную факторную производительность. Это прежде всего вложения в человеческий капитал и инфраструктуру (транспортную и цифровую). Не менее важно и само качество государственного управления» [3, с. 22].

Если раньше благоприятный инвестиционный климат отождествлялся с уменьшением вмешательства (влияния, нагрузки) государства на экономику, то теперь *мейнстрим меняется и, возможно, уже изменился в пользу «ренессанса» государственного регулирования с возникшей уверенностью в том, что такое регулирование вполне может и должно быть высокоэффективным.* В связи с этим, резонно отметить нарастающий трансфер экономической идеологии от либерального монетаризма к «инновационному кейнсианству», суть которого заключается не в повышении фискальной эффективности государства в рамках концепции «эффективного спроса» (традиционное кейнсианство), а в становлении *структурной эффективности государства* в рамках императива шумпетерианского «созидательного разрушения».

В-третьих, поскольку пандемия стала катализатором усиления социально-экономического неравенства, которое и так имело нарастающую динамику в допандемический период в мировой и отечественной экономике, государство должно взять на себя также все современные *социальные и социально-политические риски*. Это тем более важно в условиях понимания того, что естественным «спутником» неравенства всегда является политический популизм, усиленный патерналистскими настроения индивидов и различных социальных групп. Очевидно, что в «перманентно пандемическом» и/или постпандемическом мире будет нарастать конфронтация между демократией и авторитаризмом, которая будет корреспондировать с новым качеством взаимодействия конкурентного рынка и государства. При этом весьма «опасным будет выбор между двумя сторонами одной и той же фальшивой монеты: неолиберальным и популистским капитализмом» [2, с. 25].

В политэкономическом смысле, в современной отечественной экономике в целом и промышленности в частности, все отчетливей просматривается влияние нарастающей тенденции государственного капитализма с

ограниченной демократией, что, в условиях отсутствия развитых демократических традиций в стране, может привести к институционализации «чрезмерного этатизма» с его естественными антидемократическими последствиями и дальнейшей консервацией творчески-трудовой активности собственников человеческого капитала и нации в целом. Здесь вектор благоприятных политэкономических перспектив может быть связан с научно обоснованным и постепенным переходом к новой модели развития производственного и, прежде всего, общественного сектора экономики. Онтологией этой модели вполне может стать стратегия умеренности в использовании природного и человеческого капитала (ноосферный тип воспроизводства), что обеспечит динамическое равновесие условий и факторов устойчивого развития производства, свободного от «вируса» финансиализации и экономических симулякров. iea

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ершов М.В. Десять лет после глобального кризиса: риски и перспективы // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 37-54.
2. Колодко Гж. В. Последствия. Экономика и политика в постпандемическом мире // Вопросы экономики. 2020. № 5. С. 28.
3. Мау В.А. Пандемия коронавируса и тренды экономической политики // Вопросы экономики. 2021. № 3. С. 5-31.
4. Полтерович В.М. Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия // Вопросы экономики. 2021 № 1. С. 52-73.
5. Любимов Л.И., Оспанова А.Г. Как сделать экономику сложнее? Поиск причин усложнения // Вопросы экономики. 2019. № 2. С. 36-54.
6. Тамбовцев В.Л. Нарративный анализ в экономической теории как восхождение к сложности // Вопросы экономики. 2020. № 4. С. 5-31.
7. Бузгалин А., Колганов А. «Рыночноцентрическая» экономическая теория устарела // Вопросы экономики. 2004. № 3. С. 36-50.
8. Данилов-Данильян В. Глобальный кризис как следствие структурных сдвигов в экономике // Вопросы экономики. 2009. № 7. С. 31-42.
9. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с.
10. Капелюшников Р.И. Идея «вековой стагнации»: три версии // Вопросы экономики. 2015. № 5. С. 104-134.
11. Ершов М.В. Мир в 2020 году: новые проблемы обнажают системные изменения в экономике // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 5-24.
12. Рожкова К.В. Отдача от некогнитивных характеристик на российском рынке труда // Вопросы экономики. 2019. № 11. С. 81-107.
13. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. – М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. – 304 с.
14. Салихов Б.В. Управление качеством креативного капитала в ноосферной экономике знаний: Монография. – М.: изд. «МУ им. С.Ю. Витте», 2017. – 250 с.
15. Салихов Б.В., Олигова М.Б. Неявное знание как онтология корпоративных инноваций: монография. – М.: ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2018. – 224 с.
16. Колодко Гж. В. Последствия. Экономика и политика в постпандемическом мире // Вопросы экономики. 2020. № 5. С. 28.
17. Капелюшников Р.И. Contra панинституционализм. Часть I // Вопросы экономики. 2019. № 7. С. 119-147.
18. Симачев Ю.В., Кузык М.Г., Федюнина А.А., Зайцев А.А., Юревич М.А. Производительность труда в несырьевых секторах российской экономики: факторы роста на уровне компаний // Вопросы экономики. 2021. № 3. С. 31-68.
19. Гимпельсон В. Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 129-144.
20. Ильинский И.В. Инвестирование в человеческий капитал в условиях становления рынка труда в России в конце XIX – начале XX в. // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования, 2018. № 2(42). С. 7.
21. Жуева М.А., Головцова И.Г. Человеческий капитал как информационно-экономический аспект обеспечения качества // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. 2019. № 2. (48). С. 6.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE INDUSTRIAL SECTOR OF THE ECONOMY IN THE CONDITIONS OF THE PANDEMIC

Salikhov Boris Varisovich, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Theory of Regional Studies, Moscow State Linguistic University, SPIN-код: 3045-0730, AuthorID: 428166, Moscow

The purpose of the article is to identify and substantiate the key elements of a new methodological paradigm for finding relevant forms and methods of innovative development of the manufacturing sector of the economy. In this regard, the disciplinary matrix of the study is the logical, epistemological and functional analysis of the current systemic socio-economic crisis, the specific "accelerator" of which is the coronavirus pandemic. Moreover, the phenomenology of a pandemic, exerting a multifaceted and long-term influence on all aspects of social life, claims to become an independent element of the methodology of modern analysis, not only of the peculiarities of the development of the production sector of the economy, but also of all forms of human existence as such. The scientific novelty of the results of the proposed study lies in the following methodological innovations. First, the pandemic clearly marked a sharp increase in the role of non-economic factors in modern socio-economic dynamics, which fully corresponds to the phenomenon of a permanent increase in complexity in the system of social development. Secondly, failures in the structure of the production sector of the world and national economy became obvious, where economic simulacra and financialization, based on the ideology and values of monetary plutocracy, currently dominate. Thirdly, the pandemic revealed many failures as such and, especially, of the Russian state, which has lost proper control over the public production sector of the economy and, consequently, over the economic security of the individual and society. The scientific and practical significance of the results of the article is directly related to the "renaissance of statism", designed to qualitatively renew the production sphere of the economy, first of all, within the framework of the public sector of the national and regional economy. This requires the formation of a new, very contradictory model of the rule of law, which, on the one hand, is designed to expand the branches of reproduction of public goods, and on the other hand, such a state should not go beyond the ontological boundaries of individualistic, that is, real democracy.

Key words: methodological paradigm, coronavirus pandemic, production sector of the economy, non-economic factors of economic development, "renaissance of statism", rule of law, production public sector of the economy

REFERENCES:

1. Yershov M.V. Desyat' let posle global'nogo krizisa: riski i perspektivy [*Ten years after the global crisis: risks and prospects*] // Voprosy ekonomiki [*Problems of Economics*]. 2019. № 1. pp. 37-54.
2. Kolodko Gzh. V. Posledstviya. Ekonomika i politika v postpandemicheskom mire [*Consequences. Economics and politics in the post-pandemic world*] // Voprosy ekonomiki [*Problems of Economics*]. 2020. № 5. p. 28.
3. Mau V.A. Pandemiya koronavirusa i trendy ekonomicheskoy politiki [*Pandemic coronavirus and trends in economic policy*] // Voprosy ekonomiki [*Problems of Economics*]. 2021. № 3. pp. 5-31.
4. Polterovich V.M. Krizis institutov politicheskoy konkurentsii, internet i kollaborativnaya demokratiya [*The crisis of institutions of political competition, the Internet and collaborative democracy*] // Voprosy ekonomiki [*Problems of Economics*]. 2021 № 1. pp. 52-73.
5. Lyubimov L.I., Ospanova A.G. Kak sdelat' ekonomiku slozhneye? Poisk prichin uslozhneniya [*How can we make the economy more complex? Search for the reasons for complication*] // Voprosy ekonomiki [*Problems of Economics*]. 2019. № 2. pp. 36-54.
6. Tambovtsev V.L. Narrativnyy analiz v ekonomicheskoy teorii kak voskhozhdeniye k slozhnosti [*Narrative analysis in economic theory as an ascent to complexity*] // Voprosy ekonomiki [*Problems of Economics*]. 2020. № 4. pp. 5-31.
7. Buzgalin A., Kolganov A. «Rynochnotsentricheskaya» ekonomicheskaya teoriya ustarela [*"Market-centric" economic theory is outdated*] // Voprosy ekonomiki [*Problems of Economics*]. 2004. № 3. pp. 36-50.
8. Danilov-Danil'yan V. Global'nyy krizis kak sledstviye strukturnykh sdvigov v ekonomike [*The global crisis as a consequence of structural changes in the economy*] // Voprosy ekonomiki [*Problems of Economics*]. 2009. № 7. pp. 31-42.

9. Shumpeter Y.A. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya [*Economic development theory. Capitalism, Socialism and Democracy*]. – M.: Eksmo, 2007. – 864 p.
10. Kapelyushnikov R.I. Ideya «vekovoy stagnatsii»: tri versii [*The idea of "secular stagnation": three versions*] // Voprosy ekonomiki [*Problems of Economics*]. 2015. № 5. pp. 104-134.
11. Yershov M.V. Mir v 2020 godu: novyye problemy obnazhayut sistemnyye izmeneniya v ekonomike [*World in 2020: New Problems Expose Systemic Changes in the Economy*] // Voprosy ekonomiki [*Problems of Economics*]. 2020. № 12. pp. 5-24.
12. Rozhkova K.V. Otdacha ot nekognitivnykh kharakteristik na rossiyskom rynke truda [*Return on non-cognitive characteristics in the Russian labor market*] // Voprosy ekonomiki [*Problems of Economics*]. 2019. № 11. pp. 81-107.
13. Vallerstayn I. Mirosistemnyy analiz. Vvedeniye [*Mirosystem analysis. Introduction*]. – M.: URSS: LENAND, 2018. – 304 p.
14. Salikhov B.V. Upravleniye kachestvom kreativnogo kapitala v noosfernoy ekonomike znaniy: Monografiya [*Quality management of creative capital in the noospheric knowledge economy: Monograph*]. – M.: izd. «MU im. S.YU. Vitte», 2017. – 250 p.
15. Salikhov B.V., Oligova M.B. Neyavnoye znaniye kak ontologiya korporativnykh innovatsiy: monografiya. [*Implicit knowledge as an ontology of corporate innovation: monograph*] – M.: FGBOU VO «Rossiyskiy gosudarstvennyy universitet im. A.N. Kosygina (Tekhnologii. Dizayn. Iskusstvo)», 2018. – 224 p.
16. Kolodko Gzh. V. Posledstviya. Ekonomika i politika v postpandemicheskom mire [*Consequences. Economics and politics in the post-pandemic world*] // Voprosy ekonomiki [*Problems of Economics*]. 2020. № 5. p. 28.
17. Kapelyushnikov R.I. Contra paninstitutsionalizm. Chast' I [*Contra paninstitutionalism. Part I*] // Voprosy ekonomiki [*Problems of Economics*]. 2019. № 7. pp. 119-147.
18. Simachev YU.V., Kuzyk M.G., Fedyunina A.A., Zaytsev A.A., Yurevich M.A. Proizvoditel'nost' truda v nesyr'yevykh sektorakh rossiyskoy ekonomiki: faktory rosta na urovne kompaniy [*Labor productivity in non-resource sectors of the Russian economy: growth factors at the level of companies*] // Voprosy ekonomiki [*Problems of Economics*]. 2021. № 3. pp. 31-68.
19. Gimpel'son V. Nuzhen li rossiyskoy ekonomike chelovecheskiy kapital? Desyat' somneniy [*Does the Russian economy need human capital? Ten doubts*] // Voprosy ekonomiki [*Problems of Economics*]. 2016. № 10. pp. 129-144.
20. Il'inskiy I.V. Investirovaniye v chelovecheskiy kapital v usloviyakh stanovleniya rynka truda v Rossii v kontse XIX – nachale KHKH v. [*Investing in human capital in the context of the emergence of the labor market in Russia in the late 19th - early 20th centuries*] // Informatsionno-ekonomicheskiye aspekty standartizatsii i tekhnicheskogo regulirovaniya [*Information and economic aspects of standardization and technical regulation*], 2018. № 2(42). p. 7.
21. Zhuyeva M.A., Golovtsova I.G. Chelovecheskiy kapital kak informatsionno-ekonomicheskiy aspekt obespecheniya kachestva [*Human capital as an information and economic aspect of quality assurance*] // Informatsionno-ekonomicheskiye aspekty standartizatsii i tekhnicheskogo regulirovaniya [*Information and economic aspects of standardization and technical regulation*]. 2019. № 2. (48). p. 6.